

**ПОНАРИН
ЭДУАРД ДМИТРИЕВИЧ**

заведующий Лабораторией сравнительных
социальных исследований им. Р. Инглхарта, НИУ ВШЭ

ОБ ОБЪЕКТИВНОМ, СУБЪЕКТИВНОМ И МАНИПУЛЯТИВНОМ В РЕЙТИНГАХ СТРАН

О науке и политике

Сравнительные исследования сопоставляют различные показатели стран мира, например, ответы респондентов на вопрос о том, насколько они счастливы, и экономическое благополучие данной страны, измеряемое различными «объективными» показателями, такими как ВВП на душу населения, и уровень экономического неравенства. Такая работа позволяет уловить интересные закономерности жизни разных обществ и даже наметить тенденции развития человечества. Находясь на переднем крае науки, сравнительные исследования вместе с тем затрагивают и вопросы, имеющие политическое значение. Как правило, правительству любой страны хотелось бы выглядеть в глазах своих граждан как можно лучше. Поэтому высокие показатели, достигнутые страной, гораздо приятнее любому правительству, чем отставание по каким-то важным параметрам. В связи с этим различные рейтинги, выстраивающие страны мира в ранжированные ряды по разным показателям, несвободны от влияния политического фактора. Но ученые, для которых важна объективная информация, рано или поздно вносят свои коррективы в политически ангажированные данные.

Примечательна в этой связи история с рейтингом политических свобод. В течение долгого времени ведущими показателями в этом отношении были индексы американской организации Freedom House, созданной в 1941 году при поддержке президента Ф. Рузвельта. С 1972 года эта организация представляет ежегодный доклад, публикующий несколько индексов по теме свобод. Однако эти индексы в последние двадцать лет подвергались критике, в том числе со стороны американских ученых, в связи с явно пристрастным отношением к союзникам США и к самим США с одной стороны и к противникам США — с другой стороны.

Например, уже длительное время положение России по этим рейтингам соответствует положению абсолютных монархий Персидского залива, в которых вообще нет политических партий и выборов, поскольку политическая деятельность как таковая в них находится под запретом. Но арабские монархии являются традиционными союзниками США, а Россия — нет. Или же можно сопоставить положение таких соседних латиноамериканских стран, как Венесуэла и Колумбия. Венесуэла, чей режим настойчиво пытаются сменить США, находится в индексах Freedom House на одном уровне с арабскими монархиями, а союзник США Колумбия, в которой военные расстреливают демонстрации, а эскадроны смерти похищают и убивают людей, считается «частично свободной». Сами же США традиционно получают наивысший показатель по этим индексам.

В результате накапливавшегося разочарования рейтингами Freedom House финансирование этой организации частными фондами сокращалось. К настоящему моменту уже около 90% финансирования Freedom House составляют прямые гранты правительства США. В то же время появились и различные альтернативы разной степени объективности и проработки. В их числе, например, довольно популярные в сравнительных исследованиях индексы проекта Polity Study, в частности индекс Polity IV. Работа этого проекта поддерживается Центральным разведывательным управлением США, но при этом показатели демократии скандинавских стран, Канады и Австралии существенно опережают показатели США, а показатели России все-таки на несколько позиций выше, чем, например, показатели Объединенных Арабских Эмиратов. Надо полагать, что аналитики ЦРУ все-таки заинтересованы в какой-то более объективной информации для своей работы. Сходные индексы составляет британский Economist Intelligence Unit, относящийся к той же медиагруппе, что публикует известный журнал Economist. Однако и эти индексы подвергаются критике независимых ученых. В последнее время набирает популярность проект института V-Dem (Varieties of Democracy) со штаб-квартирой в Швеции, чьи индексы составляются на основе 470 различных показателей для каждой страны. На данный момент это, по-видимому, наиболее проработанный сравнительный проект по измерению политических свобод.

История с рейтингом политических свобод показывает, что даже в такой политически ангажированной области, несмотря на политическое и финансовое могущество США, жизнь вносит свои коррективы, поскольку ученым-компаративистам нужна объективная информация для исследований, и если ее нет, то ученые ее в конце концов найдут. Разумеется, какие-то политические влияния всегда возможны. Ведь все равно значительная часть «объективной» статистики по странам мира (экономической, демографической и др.) собирается Всемирным банком,

который, между прочим, частично финансирует и проект V-Dem. А США играют ведущую роль в работе Всемирного банка. Но все же когда политический фактор выходит за рамки приличий, то проекты, бесцеремонно нарушающие принципы объективности, обречены на угасание, что и показывает история Freedom House.

Об «объективной» статистике

Хотя «объективная» статистика, в отличие от индексов, получаемых на основе экспертных оценок (тех же политических свобод), менее зависит от субъективных предпочтений экспертов и поэтому менее подвержена искажениям, все же нельзя сказать, что она полностью свободна от манипуляций. Например, базовым показателем экономической мощи страны является валовый внутренний продукт (ВВП), сумма товаров и услуг, произведенных в стране за год, выраженная в денежном эквиваленте. Если выстроить ранжированный ряд стран по этому показателю, то наша страна не будет входить и в десятку крупнейших экономик. С другой стороны, если считать ВВП не по номиналу, а по паритету покупательной способности (ППС), то есть с учетом масштаба цен внутри страны, то экономика России окажется на шестом месте в мире и будет сопоставима с экономикой Германии, находящейся на пятом месте. Ну а с третьей стороны, если даже выбрать ВВП ППС, но в пересчете на душу населения, то окажется, что наша страна на данный момент отстает не только от Германии, но и от Польши, показавшей в постсоветское время стабильный экономический рост, и уже чуть-чуть и от Румынии, которая совсем недавно считалась одной из беднейших стран Европы. Разумеется, который из этих показателей использовать, будет зависеть в том числе и от политических задач.

А ведь при этом и ВВП может считаться по-разному. Где-то услуги проституток и производство наркотиков уже включены в официальные показатели, а где-то остаются в тени. А в США владельцам собственного жилья, в котором они сами живут, при подсчете ВВП засчитывается арендная плата за услуги по съему жилья, которые они как бы сами себе оказывают. Вот и получается, что «объективная» статистика не так уж объективна.

Довольно надежными показателями качества жизни являются демографические показатели, такие как ожидаемая продолжительность жизни и младенческая смертность, поскольку они рассчитываются на основе статистики смертей, а смерти, как правило, регистрируются более-менее надежно. Показатели ожидаемой продолжительности жизни российского населения в середине 1960-х годов были близки к показателям передовых стран; отставание от Франции было примерно на три года, а от США — всего на два. Однако с 1964 года в России наблюдалось медленное, но очень длительное падение этого показателя, прежде всего для

мужчин, вплоть до самого конца советского периода (исключая пару лет в начале горбачевского периода). После 1991 года это падение резко ускорилось. В середине 1990-х годов ожидаемая продолжительность жизни российских мужчин была уже на уровне беднейших стран Африки. К счастью, в 2000-е годы эта статистика значительно улучшилась, но все же и сейчас отставание от той же Франции по общей (для мужчин и женщин) ожидаемой продолжительности жизни составляет уже примерно девять лет.

Наблюдение за этой временной серией показывает, между прочим, что проблемы в развитии нашей страны начались задолго до перестройки и кризиса 1990-х годов, а именно — примерно с конца хрущевского или с самого начала брежневского периода. Примечательно, что в США ожидаемая продолжительность жизни белого населения снижается (впервые в истории) с 2010-х годов, а рост самоубийств начался еще раньше. Если сравнивать временные ряды по статистике самоубийств, скажем, Польши и США, то окажется, что эти кривые пересеклись еще в середине 2000-х годов; в Польше за постсоветский период их становилось все меньше, а в США с начала 2000-х — все больше. Таким образом, и нынешние кризисные явления в США имеют свою интересную историю, отражаемую в статистических показателях.

Конечно, и демографическая статистика не вполне свободна от политических влияний. Если, например, показатели самоубийств в регионе включить в показатели эффективности губернаторов, то у региональных начальников появится мотивация повлиять на эту статистику в выгодном для себя направлении. В таком случае может наблюдаться улучшение показателей самоубийств на фоне увеличения количества смертей от неустановленных причин. Но все же в целом демографические показатели остаются довольно надежным материалом для сравнительных исследований.

О рейтингах счастья

В XXI веке стали популярны рейтинги, связанные с показателями субъективного благополучия населения, такими как счастье и удовлетворенность жизнью. В то время как уровень благополучия страны традиционно принято измерять экономическими показателями, показатели счастья начинают играть все большую роль в сравнительных исследованиях. Ведь экономика, в конце концов, отражает хозяйственную деятельность граждан, которую они ведут ради собственного благосостояния. Но в то же время благосостояние индивида зависит не только от его материального благополучия. Материальное благополучие является критически важной составляющей счастья только в тех ситуациях, когда его очень мало. Поэтому счастье можно считать интегральным показателем, которое, хотя

и коррелирует с традиционными экономическими показателями, отнюдь не тождественно им.

На мой взгляд, самым авторитетным рейтингом стран по этому показателю является World Happiness Report (WHR)¹, ежегодно составляемый ООН на основе данных Gallup World Poll по полутора сотне стран. Весьма авторитетны также и данные World Values Survey, который я имею честь представлять. Но наши данные собираются лишь раз в пять лет и по меньшему числу стран. По данным WHR, самой счастливой страной в мире на 2020 год является Финляндия, когда-то бывшая частью Российской империи, а самой несчастной — Афганистан. Как и другие западные страны, Финляндия ушла в отрыв от России по многим традиционным показателям еще с середины 1960-х годов. Но в отличие от многих других западных стран Финляндия, как и прочие скандинавские страны, характеризуется особой культурой и особой социально-экономической моделью, для которых важно сохранение социального равенства в рамках капиталистической экономики.

Как показывают разные исследования, экономическое неравенство отрицательно коррелирует с уровнем счастья. Чем больше неравенство, тем сильнее средний доход опережает медианный доход. Это означает, что все большая доля граждан получает доход ниже среднего по стране, что естественным образом ведет к недовольству все большей доли населения. Любопытна в этой связи динамика счастья в Китае, где до середины 2000-х годов на фоне быстрого экономического роста показатель счастья падал. Исследования показывают, что этот парадокс объясняется ростом экономического неравенства. Несмотря на то, что экономическое положение практически всех граждан Китая быстро улучшалось, они были недовольны своим положением относительно более зажиточных соотечественников, так как большинство китайцев, и все больше и больше, жили хуже среднего уровня. Подобные же эффекты мы видим и на материале российских регионов, где самые богатые регионы — не всегда самые счастливые, опять-таки в связи с более высоким уровнем неравенства в богатых регионах.

Эрозия счастья в результате экономического неравенства напоминает эффект социальных сетей. Как показал ряд исследований, пользователи социальных сетей стремятся предстать в виртуальном мире лучше, чем они есть на самом деле. В результате большинство пользователей по своему опыту участия в сетях чувствуют, что они хуже других (не так богаты, красивы, успешны). Зачастую это приводит не просто к падению субъективного благополучия, но и к депрессии и нервным срывам.

¹ World Happiness Report. URL: <https://worldhappiness.report/>.

Кроме того, при высоком уровне социального расслоения оказывается, что разрушаются общие правила поведения, потому что писанные и неписанные законы работают по-разному для привилегированных групп и простых людей. В итоге правила перестают работать вообще и наступает аномия, которая сама по себе разрушает показатели счастья.

Экономическое неравенство, как правило, измеряется индексом Джини. В России к концу 1990-х годов этот показатель был одним из самых высоких в мире, а в 2010-е годы снижался, равно как и в Китае, хотя до скандинавских стран нам еще далеко. В то же время в США этот показатель начал расти еще с 1970-х годов и продолжает свой рост. В результате на данный момент экономическое неравенство в США уже несколько выше, чем в России и Китае.

Любопытное место в рейтингах счастья занимают латиноамериканские страны. При не самых высоких показателях экономического благополучия они занимают довольно высокое место в рейтингах. По всей видимости, это связано с высокой плотностью социальных связей и относительно высокой степенью религиозности. Люди по своей природе нуждаются в дружеском общении, а религия может создавать ощущение защищенности, даже если в реальности жизнь полна опасностей и лишений. В этом смысле латиноамериканские страны похожи на многие мусульманские страны. И действительно, такие страны, как Узбекистан и даже Таджикистан, находятся в рейтингах счастья выше России, хотя живут значительно беднее. Наши данные показывают, что и внутри России мусульманские регионы счастливее, чем можно было бы предположить, исходя из их экономического положения.

Россия по уровню материального благополучия сравнима с латиноамериканскими странами, но в плане социальных связей и религиозности ближе скорее к Европе, чем к Латинской Америке. А от Европы в то же время мы отличаемся относительно низким уровнем жизни и высоким уровнем неравенства. Вот и получается, что Россия занимает относительно низкое место в рейтингах счастья. Правда, в последнее время у нас появился новый источник субъективного благополучия — рост гордости за свою страну. На фоне прекращения с 2008 года быстрого экономического роста продолжившийся рост национальной гордости компенсировал экономические потери в такой степени, что уровень счастья продолжил расти вплоть до конца 2017 года. Но затем этот источник стал иссякать, хотя продолжают работать некоторые другие положительные факторы, такие как распространение здорового образа жизни и связанные с этим показатели здоровья.